

ДЕЛО №4

Влада Ольховская

Дожить до весны

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление *О. Жукова*

Ольховская, Влада.

О-56 Дожить до весны: [роман]/ Влада Ольховская. –
Москва: Издательство АСТ, 2026. – 416 с.

ISBN 978-5-17-184689-3

Дело о взрыве в торговом центре закрыли быстро – у полиции есть неопровержимые доказательства того, что массовое убийство совершил завистливый неудачник, который и сам погиб в тот день. Единственной, кто не принял такую версию, оказалась дочь предполагаемого террориста. Помочь ей может только Николай Форсов – ведь лишь легендарный профайлер способен доказать, что кто-то украл имя, лицо и всю жизнь ее отца, чтобы под его обликом совершить непоправимый поступок. Но если окажется, что скорбящая дочь права, трагедия может стать лишь первым звеном в череде страшных событий, которые унесут еще десятки жизней, пока настоящего преступника не остановят.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184689-3

© Ольховская В..2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Сюжет книги частично основан
на реальных событиях.

*Нет ничего плохого в том,
чтобы носить маску —
мир непредсказуем.*

*И нет ничего плохого в том,
чтобы обзавестись множеством масок —
мир бесконечно сложен
и не всегда дружелюбен.*

*Плохо, если в день,
когда снята последняя маска,
оказывается, что под ней
давно ничего нет.*

ГЛАВА 1

Тревога набросилась быстро, сразу, и уже не отпускала.

Ирина пыталась убедить себя, что для этой тревоги нет совершенно никаких оснований. Да и вообще, при чем тут тревога? Общение с отцом чаще вызывало у нее раздражение и разочарование, так должно было получиться и в этот раз. Отец-то вел себя как обычно!

С тех пор, как Ирина возобновила общение с ним, они встречались раз в год — в лучшем случае. Созванивались раз в месяц, всегда по ее инициативе. Но в последние полгода он и вовсе перешел на текстовые сообщения с редкими вкраплениями голосовых. Ирина пыталась сделать вид, что ее это не расстраивает — и почти всегда терпела неудачу. Мама и бабушка слишком хорошо ее знали, и если бабушка предпочитала дипломатично молчать, то мама сдержаться не могла:

— Я же говорила тебе, что так будет! Он просто наигрался в родителя... Да он и играть по-настоящему не хотел!

— Ты говорила, — покладисто отвечала Ирина. — А он не хотел.

Она соглашалась — и снова писала отцу, снова звонила ему. Уговаривать его на очередную встречу она начала еще в декабре, но он ворчал, что занят и ему не до того. Отчасти это даже было правдой, Ирина ведь тоже подписалась на его канал, видела ролики, которые он выкла-

дывает в Сеть... Хотя лучше бы не видела, если честно. Занимайся таким кто-то другой, и она отписалась бы от этой помойки... да даже заглядывать туда не стала бы! Но это делал отец, и ей нужно было знать.

Он не врал ей, что занят, все эти видео требовали немало времени. Ирина лишь не могла понять: почему нельзя сделать паузу для общения с родной дочерью? Просто остановиться и все, а продолжить потом, разве кто-то заметит? Однако отец оставался непреклонен, и это здорово испортило ей Новый год.

Она уже почти смирилась с тем, что мама права и видаться они больше не будут, когда на очередное предложение о встрече отец неожиданно ответил согласием. Ирине показалось, что это если и не новогоднее чудо, то хотя бы добрый знак: проведя праздничную ночь в одиночестве, отец что-то осознал, он теперь будет вести себя иначе!

Надежда на это долго не продержалась — до самой встречи в кафе. Ирина ожидала, что отец хоть раз оденется прилично, приведет себя в порядок, поднимется дочери навстречу со счастливой улыбкой, обнимет... Как бы не так!

Он был все таким же всклокоченным, лохматым, давно не бритым, как прежде. Темная борода, щедро пересыпанная сединой, опускалась на грудь широкой лопатой. Глаза, и без того небольшие от природы, притаились где-то под кустистыми бровями, да и смотрели они куда угодно, только не на Ирину. Наряд был лишь немногим лучше, чем у бродяги — на грани того, в чем пускают в более-менее приличные места... Причем скорее «менее», чем «более». Нет, вещи не были откровенно рваными или подобранными на помойке. Просто отец носил их так долго и не стирал так давно, что рядом с ним легко улавливался тот специфический тяжелый запах, который часто окружает переставших следить за собой людей.

Ирина не первый раз наблюдала его таким. На подобных встречах ей хотелось плакать — и что-нибудь изме-

нить, и это можно было считать нормой. А вот что к норме никак не относилось, так это тревога, поселившаяся в груди хищным маленьким зверьком, покусывавшая все то время, пока шла их встреча. Ирина пыталась отстраниться от этого чувства, потому что не понимала, при чем тут вообще тревога. Но успокоиться или хотя бы переключиться на вполне справедливую в такой ситуации злость у нее не получалось.

Нельзя сказать, что отец полностью отстранился, какой-то разговор у них все-таки был, однако если бы Ирине пришлось описывать его, подошло бы лишь одно слово — «натужный». Говорила в основном она. Отец или кивал, или отвечал односложно. Он не мог скрыть, что ему отчаянно не хочется быть здесь, он уже пожалел, что пришел, он ждет, пока все закончится... Он хотел удрать от нее, как обычно... И все-таки при чем тут тревога, почему рядом с ним так беспокойно?

Ирина решила, что пора зайти с козырей:

— Ванечка очень скучал по тебе... Он просит передать тебе маленький подарок!

Внук был единственным человеком, способным вызвать у отца улыбку. Это обижало Ирину, вызывало неприятные мысли, вроде «Неужели я настолько хуже него? Почему его можно любить, а меня никогда нельзя было?». Но она отстранялась от этого — потому что стала достаточно взрослой, чтобы поступать по уму, а не по велению сердца.

Да и потом, нельзя сказать, что любовь отца к Ване только задевала ее. Ирина чувствовала и радость, да еще гордость — это ведь она родила Ваню, он ее сын! И если ее сын способен вызвать теплые чувства даже в таком человеке, как Алексей Прокопов, разве это не достижение?

По крайней мере, раньше был способен. Сейчас отец не спешил ни улыбаться, ни задавать вопросы. Он даже не дождался, пока Ирина найдет в сумке Ванин новогод-

ний рисунок. Отец встал и перевесил старый потрепанный рюкзак себе на плечо.

— Ты уже уходишь? — поразилась Ирина. — Ты что?..

— Нет, — буркнул он. — В туалет надо. Сейчас вернусь. Раз долго говорить будем, так хоть время под это получу.

И это была самая длинная из обращенных к Ирине реплик за всю встречу.

В какой-то момент Ирина решила, что отец просто врет ей, чтобы она не мешала, на самом деле он позорно сбегает, но нет, куртку, возле которой никто больше не стал вешать свою одежду, он все-таки оставил, только рюкзак забрал. Кафе, в котором они встретились, располагалось на фудкорте большого торгового центра, собственного туалета там не было, отцу предстояло пройти половину этажа.

Это давало Ирине достаточно времени, чтобы еще раз обдумать ситуацию. От того, что отец потащил с собой зачуханный рюкзак, считая, что у него могут что-то украсть, становилось смешно, но других поводов для веселья не было. Внутри саднило — от обиды, от никому не нужной любви, от несправедливости всего этого. Да и тревога только нарастала.. Ирина хотелось уйти, не дожидаясь отца. Оплатить счет, спуститься к машине, никогда больше не встречаться, не звонить, не писать.. Пусть живет, как раньше, как ему угодно!

И все же она остановила себя. Психолог говорил ей, что о любом поспешном решении она пожалеет. Тревога наверняка связана не с отцом, а с ней, он-то ведет себя как обычно. Если Ирина сейчас поддастся гордыне и уйдет, он, возможно, перестанет ей отвечать — и она никогда себя за это не простит..

Она думала об этом, за временем не следила, ждала, когда вернется отец, а вот взрыва не ждала, да и никто не ждал.

А взрыв все равно прозвучал.

Громыкнуло где-то внизу, так, что задрожал под ногами пол, попадала посуда, стоявшая на столиках, закричали люди. Ирина замерла, шокированная, не понимающая, что произошло и почему. Она прислушивалась к окружающим людям, чтобы разобраться, как они объяснят случившееся. Но они тоже ничего не знали, а потом им всем стало не до того: не прошло и минуты после взрыва, как на этажах завывала пожарная сирена.

О том, что это не ложная тревога и не учения, догадаться было несложно. Ирина слышала топот десятков ног, чьи-то крики, она чувствовала запах дыма, расползающийся по этажу. Похоже, полыхало не рядом с фудкортом, а где-то внизу, на первом или втором этаже. Но от этого ведь только хуже! От огня нельзя сбежать, через него придется пройти, чтобы спастись, оказаться на свободе, и нужно было торопиться, пока он не обрел еще большую силу.

А она торопиться не могла — и уйти тоже не могла. Ирина поспешила к выходу из кафе вместе со всеми, но в коридоре остановилась, крикнула:

— Папа! Где ты?!

Она сама не знала, зачем кричала — его не было рядом, он точно не мог ее услышать. Но Ирине хотелось сделать хоть что-то, она привыкла контролировать свою жизнь, она не могла просто поддаться обстоятельствам!

Вот только обстоятельства ее на этот раз не спрашивали. Ирине не дали искать отца, не дали даже выбрать, куда идти дальше. Толпа подхватила ее, понесла вперед, как бурная горная река. В какой-то момент Ирина попыталась сопротивляться, двигаться в другую сторону, но быстро поняла, что ничего у нее не получится. В лучшем случае ее просто обматерят и все равно потащат, куда следует, в худшем она упадет, окажется под ногами, превратится в кровавое месиво, а те, кто ее убьют, даже не заметят этого...

Ей пришлось уйти. Ирина все равно звала отца, просто чтобы подавить чувство безысходности. По крайней мере, звала, пока могла, потом уже не получалось: толпа принесла ее на территорию черного дыма, Ирина закашлялась, задохнулась. Слезы застилали глаза, и она даже не знала, из-за чего плачет — из-за дыма, страха или всего сразу. Ей пришлось все силы бросить на то, чтобы спастись самой. Люди теперь кричали со всех сторон, умоляли, плакали... Они не просто боялись, Ирина инстинктивно распознавала крики боли и отчаяния.

Спасутся сегодня не все... Но она должна оказаться среди выживших! Ее ответственность перед сыном куда больше, чем перед отцом. Ирина обязана сделать все, чтобы вернуть Ване мать, а папа... Ему придется справляться самому.

Она надышалась горячим дымным воздухом, и на пользу это ей точно не пошло. Когда Ирина все-таки добралась до улицы, теперь казавшейся ей другим миром, у нее отчаянно кружилась голова, перед глазами пульсировали черные пятна, кашель не отпускал, драл горло, как дикий зверь... В фильмах всегда показывают, что в такие моменты к выбежавшим из пылающего здания людям бросаются врачи и спасатели, но к Ирине никто не бросился.

Не потому, что никто не приехал — машины экстренных служб уже стояли у торгового центра и продолжали прибывать. Просто у каждого сейчас было свое дело, куда более важное, чем забота о женщине с головокружением. Пожарные пытались сдержать открытое пламя, хлеставшее по стеклам возле главного входа. Полицейские старались ускорить эвакуацию. Медики сосредоточились на тех, кто уже не мог двигаться самостоятельно.

Ирина могла бы добиться их внимания, если бы захотела — но она не хотела. Чуть оправившись на свежем воздухе, она снова металась, не рвалась обратно в полыхающий торговый центр, но бросалась к каждой новой

Дожить до весны

группе эвакуированных, искала знакомое лицо, звала... Она не хотела верить, что отец погиб — из-за нее, по сути, ведь это она привела его сюда! Не может быть, неправда, он спасется... Она билась у ограждения раненой птицей, пока наконец не приехал муж и не увез ее прочь. Правду Ирина узнала только через два дня — и это была страшная правда...

Ее отец не просто погиб в тот день.

Ее отец устроил теракт.

* * *

Времени осталось мало, слишком мало... Настолько мало, что спастись не получится, но Гарик все равно пытался.

Тело уже немело, наполнялось тяжестью — однако не сковывающей тяжестью болезни, а тем напряжением, которое просто требует покоя. Если застыть на месте, отказать от любого движения, будет лучше... Нет, не просто лучше, придет удовольствие, с которым мало что сравнится. Но за него придется заплатить чудовищную цену, и Гарик еще не настолько утратил контроль над собственным сознанием, чтобы этого не понимать. Удовольствие — ловушка, которая порой оказывается смертельной.

Он не знал, сколько еще у него получится помнить об этом. Мир менялся быстрее, чем хотелось бы: строгие линии исчезали, становились плавными, будто танцующими. Рядом постоянно мелькало движение, хотя Гарик точно знал, что он здесь один... был один. Может, что-то изменилось? Наверняка он уже не узнает... Его подвигали не только мысли, органы чувств стремительно поддавались дурману. Он делал вдох — и видел неоновый белый цвет. Он чувствовал запахи, от которых голова кружилась все сильнее. И еще нарастало это проклятое чувство, которое он знал когда-то и надеялся забыть навсегда, почти забыл, а оно вот вернулось... Чувство, буд-

то крошечные коготки скребут по черепной коробке, но не снаружи, а изнутри.

Что-то уже в нем. Пока оно атакует медленно, осторожно. Причиняет скорее неудобство, чем боль. Но боль будет, еще какая, это просто вопрос времени! Того самого времени, которого осталось так мало. . .

Гарик хотел бы выиграть больше — и он пытался, да только ничего не получилось. Желудок он опустошил почти сразу, когда заметил признаки беды, и все равно оказалось слишком поздно. Теперь любая попытка вызвать рвоту отзывалась сухими спазмами внутри, но мир все равно расплывался, свет менялся на звук, звук — на запах, запах — на ощущение прикосновения, на холод и жар. . . Яд уже внутри, растворился в крови, и отменить случившееся не получится, придется справляться с последствиями. . . знать бы еще как. Желание сопротивляться ускользало. Гарик слишком хорошо понимал, как будет легко, если он просто примет происходящее, перестанет дергаться, позволит себе раствориться вот в этом жарком, теплом, защищающем от всего света. . .

Это может оказаться последней ошибкой в его жизни.

Он знал, что один уже не справится, и знал, что просто так никто ему не поможет. Никто не догадывается, что помощь вообще нужна! Он не предупредил остальных, потому что не думал, что окажется в опасности. . . Попался, как последний идиот. Он попытался вспомнить, как это началось, когда именно он допустил ошибку, но не смог. . . Уже не смог. Это было плохо. Мысли путались, становились короче, он будто наблюдал за ними издалека — как пассажиры корабля смотрят на далекий берег, который им даром не нужен, они все равно не соберутся туда высаживаться.

Плохо, а становится хуже. Нужно больше времени, хотя бы чуть-чуть.

Дожить до весны

Гарик вспомнил, как получить больше. Понял, что это плохая мысль, дурацкая, но другую искать не стал — знал, что она может и не появиться. Он кое-как открыл ближайшее окно и не прыгнул даже, а рухнул вниз.

Он помнил, что находится на втором этаже. Он не был уверен, что помнит правильно. Если бы он ошибся, перепутал сегодняшний день со вчерашним, все могло закончиться — и он бы даже, может, не узнал об этом! Вот о чем он не позволил себе думать, просто сделал и все.

Момент полета остановил его сопротивление, и на этот миг стало хорошо. Так хорошо, как он и ожидал, как уже было. . . Хорошо — и очень плохо. Потому что если замереть в этой паутине, она оплетет и больше не отпустит.

Но потом все-таки пришла спасительная боль, отогнавшая мучительное удовольствие. Он не ошибся насчет второго этажа, только поэтому он еще был жив. Гарик рухнул на что-то мягкое, но не слишком. Мусорные мешки? Скорее всего, да, что еще, что тут может быть. . . Это не имеет значения. Ему недостаточно больно, чтобы умереть или потерять способность двигаться, такого пока хватит. Мысли даже прояснились, потому что тело ответило на боль, оно будто перестало растворяться в бесконечном неоновом океане, вернуло себе прежнюю форму, вернуло силу. Матвей говорил, что так будет, что резкий выброс адреналина в кровь помогает. . .

Матвей! Нужно позвонить ему. Он знает, что делать, он всегда знает. . . И вообще много что знает, и это хорошо, потому что Гарик не сумел бы объяснить, что с ним произошло, а Матвей сам догадается, поймет. . .

Да, нужно звонить ему. Но непонятно как.

Телефон Гарик все-таки нашел — и уже это было достижением, аппарат ведь мог разбиться, потеряться при падении. Однако повезло хотя бы в этом! Вот только теперь Гарик держал устройство на ладони, смотрел на него и. . . не мог позвонить. Он не помнил, как звонить Матвею. Он не

сомневался, что знает, что это очень простое действие, которое теперь ускользало вместе с мыслями. . .

Адреналин уже не помогал, время снова ускорилося. Гарику только и оставалось, что нажимать наугад. . . Телефон разблокировался автоматически, отсканировал лицо, минус одно действие, уже спасибо. Нужно на что-то нажать, чтобы был звук, был голос, и если очень повезет, если подсознание возьмет верх над угасающим сознанием, это будет голос Матвея. . .

Голос действительно был. Но не Матвея.

— Гарик, это ты? Ты на часы вообще смотрел? Мне что, снова отключать на ночь телефон?!

Не Матвей, нет. . . Таиса. Это Таиса. Тоже хорошо — не худший вариант. Может, он намеренно позвонил ей. Может, просто нажал дрожащей, едва подчиняющейся ему рукой на список последних вызовов, и тогда это двойная удача — мог бы и в службу доставки так позвонить! Проверить уже не получилось бы, зрение стало настолько мутным, что он не различал ни буквы, ни цифры.

Он помнил только адрес. Это было сложно. Таиса удивлялась, что-то переспрашивала, и это злило, но от злости становилось чуть легче, снова легче. . . Не настолько, чтобы ответить Таисе нормально или даже разобрать ее слова. Но достаточно, чтобы держаться за осколки воспоминаний, за тот осколок, на котором адрес, повторять одни и те же слова, молить непонятно кого о том, чтобы у слов был именно тот смысл, который вкладывал в них Гарик, могло оказаться по-всякому.

Таиса то ли поняла его, то ли окончательно разозлилась. В любом случае, ее голос больше не звучал, а вскоре исчез сияющий прямоугольник на руке Гарика — экран смартфона погас. Она завершила вызов. Может, позвонить кому-то еще? Хотя нет, не получится, уже не получится.

Неоновый океан побеждал его. Хотелось то смеяться, то ударить кулаком по стене изо всех сил — зная, что сте-

на разобьется, появится трещина, а за трещиной будет совсем другой мир. Как раньше. Все будет как раньше, хорошо, а если так, зачем сопротивляться и мучить себя?

Но зачем-то все-таки надо. Гарик уже не надеялся дотянуться до своей памяти и понять, зачем именно. Осталось лишь смутное ощущение, что должно быть именно так и никак иначе. Никакого послабления, никакой жалости к себе, потому что за жалостью придет бездна, из которой он больше не выберется. . . Она и так злится, что отпустила один раз, второго не будет.

Он не остался там, куда упал. Сквозь звуки, которых не было и которые он слышал, прорывался тот, который, скорее всего, действительно существовал. Резкий завывающий звук. У него больше не было названия, оно растворилось вместе с остальными словами, которыми Гарик уже не мог пользоваться. И все-таки упрямая часть его, питаемая болью и гневом часть, каким-то чудом делала выводы. Предупреждала, что резкий звук — часть всего, что происходит, хотя происходить не должно. Не в его интересах. Говорила, что здесь оставаться нельзя, потому что тогда победит. . . кто-то. Забытый. Ускользнувшее имя, источник гнева, источник боли, но не боли тела, раненого падением со второго этажа, а совсем другой боли, более глубокой и острой. . .

Гарик ушел и от этого человека, и от паутины. Он шагал уже без цели, остатков самоконтроля хватало лишь на что-то столь примитивное, как движение, на мысли — уже нет, на воспоминания — давно нет. Он не был уверен, идет он прямо, бежит или ползет. Он знал, что скоро упадет, и даже не боялся этого. Все плохое уходило, как бы он ни старался это удержать. . . Оставалось только хорошее, доброе, светлое. . . готовое перемолоть его без остатка.

В момент, когда он думал, что все закончилось, появилось новое движение. Вообще-то, движение было рядом с ним постоянно. И в нем было — маленькие зверьки, ца-